

Глава 1010: Театр одного актера

Лапуля обычно всегда использовала архаичную форму, когда говорила о себе. Сегодня она впервые назвала себя "мать" [1] ... Такое, по мнению Ван Баолэ, не сулило ему ничего хорошего. Что же должно произойти, чтобы девушка, всегда держащая себя в руках, внезапно забыла о старательно поддерживаемом ей образе и на радостях чуть ли не пустилась в пляс?

Беспокойство вызывало и причина столь внезапного веселья... В своей слегка бессвязной речи она сказала что-то вроде "ты наконец-то получил по заслугам".

Немного сбитый с толку, Ван Баолэ осторожно спросил:

— Добрая, прекрасная, ласковая, добрейшая Лапуля, не мучай бедолагу. Скажи, что случилось?

Лапуля тем временем уже выскочила из маски и радостно притаптывала ножкой. Подавив раздражение в сердце, Ван Баолэ попытался изобразить всю искренность, на которую был способен.

— Хочешь знать?

При виде искренности на лице Ван Баолэ, за которой пряталась нервозность, Лапулю охватил восторг. С тех пор, как она стала его спутницей, за исключением самого первого раза у него получалось из раза в раз буквально оставлять её в дураках.

Делай это он специально, она хотя бы могла на него злиться, но каждый раз всё происходило как будто случайно, отчего временами ей хотелось на стенку лезть.

Сегодня у неё на глазах непотопляемый Ван Баолэ наконец-то сел в лужу. Но дело было не только в этом, её глаза возбужденно сияли... ведь прямо у неё на глазах будет разворачиваться представление.

— Не скажу.

Брови Ван Баолэ взлетели вверх. Похоже, кто-то решил строить из себя недотрогу. Поскольку он хорошо знал Лапулю, для обхода этой её тактики просто требовалось проявить немного изобретательности. Лучше всего подойдет тактика, обычно применяемая красавчиками.

С его губ сорвался тяжелый вздох, а потом он ласково на неё посмотрел и мягко сказал:

— Лапуля, ты даже не представляешь, как я рад слышать твой беззаботный, чистый, словно звон колокольчиков и журчание ручья, смех в этом дао домене, где каждый думает только о себе, где всем правит притворство, обман и жестокость. Поэтому можешь ничего не говорить, но у меня к тебе одна просьба. Пожалуйста, не прекращая улыбаться и смеяться... — ласково шепча, Ван Баолэ медленно шел к Лапуле.

Его слова, казалось, обладали какой-то колдовской силой. Лапуля сама не поняла, почему внезапно напряглась. Из-за необъяснимого чувства она почувствовала себя не в своей тарелке.

— Толстяк, — бросила она, смерив его пронзительным взглядом, — думаешь, я куплюсь на твои льстивые слова. Даже не мечтай!

В ответ Ван Баолэ лишь тепло улыбнулся. Когда он поднял руку, та отвела взгляд. Коснувшись

фантомных волос, Ван Баолэ тихонько сказал:

— Лапуля, ты знаешь, что изначально в этом мире я не видел звезд, но каждый раз, как я думаю о тебе, в небе загорается звезда, а потом огни усыпают весь небесный свод...

От этих слов по телу Лапули пробежала дрожь. Она невольно попятилась. Дабы не показать смущения, она с отвращением скривилась и замахала руками.

— Прекрати, прекрати! Толстяк, я и не думала, что ты такой любопытный!

Лапуля покашляла, немного приведя мысли в порядок, а потом гневно зыркнула на Ван Баолэ. Тот же подумал, разве не этого она хотела? И снова тактика, используемая красавчиками, подействовала безотказно. Внешне же он с горькой улыбкой накрыл ладонью кулак.

— Прощу, развеи мои тревоги.

Успокоившаяся Лапуля, видя искренность Ван Баолэ, села в сторонке и взмахнула кистью. В её руке материализовалась не понятно откуда взявшаяся бутылка духовно-ледяной воды. Поднеся горлышко к губам, она принялась с нескрываемым злорадством неспешно пить. Наконец она опустила бутылку и слегка закашлялась.

— Ох, как плечи затекли...

Стоило ей это сказать, как Ван Баолэ, еще не до конца пришедший в себя от увиденного, слегка поменялся в лице и растаял в воздухе. Мгновением позже он вырос позади девушки и мягко стал массировать ей плечи.

Наслаждаясь сервисом и попивая духовно-ледяную воду, Лапуля немного подобрела.

— Толстяк, Скопление бушующего пламени не показалось тебе странным? Ты познакомился со своими братьями и сестрами. Среди них нашлись вполне нормальные люди, но большинство из них произвели впечатление ненормальных, верно? Даже старый бык вел себя как-то уж больно странно, да?

Получив в ответ вздох и кивок, Лапуля улыбнулась.

— Говорю тебе, толстяк, патриарх Бушующее пламя известен во всем Бесконечном дао домене, но о его прошлом гуляет слишком много слухов. Болтают, что родной дом старика уничтожил Бесконечный клан. Они же убили всех его учеников. Другие говорят, что его ученики не погибли, а были серьезно ранены и сейчас крепко спят. Есть и те, кто утверждает, что патриарх Бушующее пламя после той трагедии стал брать себе учеников. Существует еще одна любопытная теория: ученики патриарха и вправду погибли, но он собрал останки их душ каким-то невероятно могущественным заклятием. Якобы Скопление бушующего пламени — это созданная им гигантская формация, где заперты души его погибших учеников. Место, где они могут продолжать «жить».

Слушая Лапулю, Ван Баолэ продолжал мерно массировать её плечи.

— Слухи гуляют разные. Но что из этого правда? Кто-то с культивацией твоего старшего брата Чэнь Цинцзы способен узреть истину, вот только из-за необычного характера патриарха Бушующее пламя об этом не принято говорить. Те, кто знает правду, предпочитают об этом не распространяться. И всё же... полагаю, за исключением всемогущих экспертов только один человек знает правду. И этот человек я!

Лапуля со смешанными чувствами вздохнула, поставила бутылку воды и жестом попросила Ван Баолэ прекратить массаж. Похоже, она воскрешала какое-то давнее воспоминание.

— Баолэ, — уже тише продолжила она, — патриарх Бушующее пламя достоин жалости... Когда мой отец проходил мимо этой части звездного неба, я услышала, что он пробормотал себе под нос. На самом деле все слухи ошибочны. Твои старшие братья и сестры не мертвы и не спят. Их души не заперты в магической формации. Это всего лишь чьи-то домыслы... в действительности все здесь клоны патриарха Бушующее пламя! Все ученики, кроме второго, его клоны. Даже старый бык, который привез тебя сюда, клон Бушующего пламени. Мой отец сказал, что патриарх очень одинок, поэтому за годы он заполнил этот мир клонами, дабы они скрашивали его одиночество...

Сердце Ван Баолэ пропустило удар. Туман, застилавший его разум, тотчас спал, превратившись в волну, которая обрушилась на его душу. Как, узнав это, он мог оставаться спокойным? Его окружала не иллюзия, встреченные им люди не были осколками душ мертвых... Весь мир был одним огромным театром одного актера.

— Не только твои братья и сестры клоны патриарха Бушующее пламя. Всё скопление, каждая травинка и камушек, всё живое является клонами. Даже божья коровка в деревьях снаружи, подозреваю, тоже клон твоего наставника.

Лапуля сбросила накотившую на неё меланхолию. В её глаза вернулся лукавый и живой блеск.

— Вот почему, толстяк, тебе конец. Как я уже говорила, ты сам себя перехитрил. Всё сказанное тобой здесь... ты думал, что тот, кто подслушивает, оценит твою "честность". В Дао конгрегации безбрежных просторов старый глава секты как-то обмолвился о патриархе. Несмотря на могучую культивацию, у старика мелочная душонка. Помнишь, ты усомнился в ненадежности патриарха, а потом добавил, что это невозможно. Мстительному патриарху хватит и первой части той фразы.

Ван Баолэ был слегка сбит с толку. С одной стороны, он еще находился под впечатлением от истории Лапули о печальной судьбе патриарха Бушующее пламя. С другой, ему пришлось задуматься, действительно ли он сам себя перехитрил или же нет. Размышляя о двух вещах сразу, у него слегка заболела голова. Потирая лоб, он пытался найти объяснение происходящему. Как вдруг его брови сошлись к переносице.

— Нет, седьмой брат был избит практически до неузнаваемости. Это не может быть фальшивкой. Не может же наставник так издеваться над самим собой, верно? Избивать себя каждый месяц?

[1]Обычно Лапуля использует архаичную форму "я", как бы подчеркивая, что она "великосветская особа". В прошлой главе она использовала форму мать/я, её обычно женщины использую при перепалке. — Прим. пер.